ціальдемократическая Рабочая Партія.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

„Пров 49

ВЪ ТЕМНУЮ НОЧЬ.

(ОТТИСКЪ ИЗЪ 25-го № „ARBEITERSTIMME").

Изданіе Всеобщаго Еврейскаго Рабочаго Союза въ Литвѣ, Польшѣ и Россіи.

Цѣна 20 сант.

1901.

Адресъ Заграничнаго Комитета „Бунда:“

Mr. Abraam Nathanson.

23, Brantridge str. Burdett Road.

London E.

ВЪ ТЕМНУЮ НОЧЬ.

„....Изъ нашихъ погибшихъ костей
Поднимется мститель суровый....“

Мнѣ снится страшный сонъ. Я иду по улицѣ нашего роднаго города въ ясный солнечный день. Сегодня праздникъ. Шумливая толпа со смѣхомъ окружаетъ меня и показываетъ пальцами на небо. Я взглядываю туда—оно синее, ярко-синее; оно ослѣпительно прекрасно и чисто. Но мнѣ дѣлается жутко и холодно. Я знаю: бѣда придетъ оттуда. И вдругъ я оглядываюсь на веселую толпу: куда же исчезли ея радость и смѣхъ? Отчего лица такъ мертвенно блѣдны, откуда упалъ этотъ пепельный сумракъ на платья нарядной толпы, на землю, на зелень? откуда въ тоскливыхъ глазахъ выраженіе испуга? Мнѣ страшно. Я вижу—толпа побѣжала, молчаливо, въ безпомощномъ смятеньѣ.... и я взглядываю на небо. Желтовато-сѣрыя мягкія тучи наползаютъ со всѣхъ сторонъ; нѣтъ солнца, нѣтъ голубого блеска; мракъ и непонятный ужасъ. Кто-то зажегъ на площади фонари. Потомъ я вижу, какъ колыхнулась вершина колокольни, и черныя тучи въ томъ мѣстѣ съ грохотомъ разорвались; фонарные столбы пошатнулись и стекла ихъ жалобно зазвенѣли.... Страшный судъ! Судъ! Судъ!... Толпа съ воплемъ падаетъ на колѣни. Поднимается какой-то странный вѣтеръ, безшумный и горячій. Мнѣ страшно. Я хочу кричать. Мнѣ страшно безмолвіе упавшей ницъ толпы. Я порываюсь впередъ и просыпаюсь. Въ комнатѣ полутемно, хотя лампа горитъ полнымъ свѣтомъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ я не могу спать, я всегда завѣшиваю ее на ночь своей коричневой блузой. Полутемно, тепло и тихо. Подушка мягка, на стѣнѣ виситъ коверъ. Какъ уютно въ постели. Какъ хорошо спать! Какъ хорошо, что исчезъ страшный сонъ. Спать, спать. Мысли мои смѣшиваются. Я дремлю. Комната, комната.... Что же это за комната? А! я знаю. Это моя спальня; вотъ моя узенькая кровать. Лампа на столѣ заслонена книгой. Кто тамъ сидитъ? это моя сестра, моя Лиза, вонъ я вижу ея бѣлокурую косу. Она читаетъ, тихонько переворачивая листы, чтобы не разбудить меня Это я привезъ ей книги, когда вернулся изъ тюрьмы. Да, да.... Я вернулся, я дома, я въ моей спальнѣ. Какъ хорошо! Какъ тихо! Какъ уютно въ постели!... Вонъ и еще кто-то въ углу.... Мать! это мать. Значитъ, она не умерла? Радость и жалость и боль наполняютъ мнѣ сердце. Я боюсь говорить, чтобъ она не исчезла. Я знаю: это тайна, нужно молчать,

нужно не замѣчать ея. Она тихонько садится на край моей постели и плачетъ, плачетъ, какъ въ тѣ дни, когда я уходилъ отъ нея навсегда. Мать моя! Не плачь! Это пройдетъ. Не плачь же! Все снова будетъ хорошо.... Нѣтъ, я знаю, что это неправда. *Оно* не проходитъ. *Оно* мѣшаетъ мнѣ цѣловать ея морщинистыя, блѣдныя руки, когда она такъ безпомощно, такъ по-дѣтски закрываетъ свое маленькое личико, и плачетъ, плачетъ, беззвучно, долго, качая своей сѣдой головой. И мнѣ становится страшно. Я знаю, что это непоправимо. Я знаю, что не могу цѣловать ея блѣдныя руки, что въ сердцѣ стоитъ какой-то холодъ и ужасъ. Мать моя! Не плачь! Не плачь!.... И снова я просыпаюсь въ смертельномъ страхѣ. О, ужасъ! О, боль въ сердцѣ! Какъ тяжко, какъ мучительно. Мать умерла давно, я не увижу ея никогда. Это сонъ. Я въ тюрьмѣ, и что-то страшное случилось со мной.

Я еще весь дрожу и чувствую горячія слезы на щекахъ. Вонъ смотритъ въ щель любопытный глазъ. Значитъ, я кричалъ во снѣ. Какая тяжелая, тяжелая тишина. Мысли болѣзненно пронзаютъ мой мозгъ. И вдругъ все существо мое содрогается. Я чувствую, какъ холодный потъ покрываетъ меня, и члены мои цѣпенѣютъ. Какъ ничтожны, какъ жалки мои страданья, мой тяжкій сонъ и скорбь о матери, и тюрьма, и одиночество, и задушенная жажда жизни, когда одно стоитъ предо мной неотразимо: я выдалъ. Я—и выдалъ. Мнѣ хочется кусать мои руки, хочется злобно плакать, потому что это не можетъ быть правдой. А между тѣмъ прошелъ уже цѣлый день и одна ночь, и вотъ опять ночь. Въ эти два дня я слышалъ, какъ товарищи мои звонятъ, ходятъ по коридору; видѣлъ черезъ окно, какъ они гуляютъ: женщины нервно-торопливой, мелкой походкой, мужчины ровнымъ, размѣреннымъ шагомъ, иные спокойно, равнодушно заложивъ руки въ карманы, иные съ суровыми или озабоченными лицами. Я слышалъ, какъ вставалъ мой сосѣдъ, какъ онъ разговаривалъ и шутилъ съ надзирателемъ черезъ окошечко, какъ онъ потомъ долго ходилъ по камерѣ, по временамъ останавливаясь у окна. Тогда до меня доносился мотивъ пѣсни, которую онъ всегда любилъ насвистывать:

„....Изъ нашихъ погибшихъ костей....“

А я притаился въ своей камерѣ и слушалъ.... Теперь они всѣ спятъ, спятъ такъ спокойно, какъ спалъ я мгновенье въ своемъ снѣ. Мнѣ хочется выбѣжать изъ камеры и крикнуть на весь коридоръ, такъ чтобы дрогнуло во всѣхъ углахъ: Эй, вы! не спите спокойно. Я васъ выдалъ. И потомъ рыдать такъ, чтобы сердце разрывалось... Боже мой! какъ мнѣ холодно! какъ я дрожу! Я теряю разсудокъ. Зачѣмъ я выскочилъ на средину камеры и шепчу такъ громко? Это безумно. Мнѣ даже кажется, что кровь не должна бы такъ громко стучать въ вискахъ, чтобъ не услышалъ над-

зиратель.... Какъ хочется пронзить глазами темноту; какъ жадно хочется взглянуть ему въ лицо: спитъ онъ или притворился? Иначе нельзя будетъ умереть. Ну, ну, сердце, не стучи такъ бѣшено. Я лягу спокойно въ постель и буду думать. О чемъ мнѣ надо думать? О томъ, какъ умереть. Да, да.... Такъ я буду лежать и стараться не заснуть, чтобы не подстерегли меня мои страшные сны.... Я могу взять шнурокъ отъ красной рубашки, что прислала мнѣ Лиза.... Какъ остро я все вижу теперь. Вотъ мнѣ представилась Лиза такъ ярко, какъ будто она освѣщена солнечнымъ днемъ: въ черномъ платьѣ, съ нѣжными весенними цвѣтами на шляпкѣ.... Лиза родная! Ты погибнешь отъ горя, когда узнаешь.... Если бы ты могла понять, почувствовать, какъ мало было въ атомъ моей злой воли. Дорогая! Какъ ты вѣришь въ меня, и какъ на дѣлѣ я ничтоженъ, самолюбивъ! За свою красоту душевную гибну я теперь. Лиза! Ты знаешь, какое это.... какое оно огромное, какое ненавистное слово. Нѣтъ, я не предатель. Нѣтъ, онъ, какъ старый, опытный профессоръ, раскрылъ мою душу и сказалъ: здѣсь больное мѣсто, и я ударю ножемъ. И потомъ ударилъ. Мнѣ кажется, тѣмъ самымъ ножемъ, которымъ онъ игралъ. Да.... у него такія тонкія, нѣжныя, совершенно артистическія руки. Ножъ блестѣлъ на солнцѣ, и руки все мелькали, мелькали у меня передъ глазами. Вотъ они передо мною эти руки, это пріятное, грустное, молодое лицо. Какъ оно влекло меня неотразимо. Оно мнѣ нравилось; да, я обезумѣлъ—оно мнѣ нравилось. Я смотрѣлъ на эти руки, на лицо, и слушалъ его проклятыя слова. Зачѣмъ я молчалъ? Зачѣмъ я позволилъ ему говорить? Какъ будто чей-то горячій шепотъ отчетливо твердитъ мнѣ его послѣднія слова.... Я помню, какъ въ моей уединенной комнатѣ, въ жаркій солнечный день забилась муха въ паутину, и все жужжала. Этотъ звукъ звенѣлъ по всей комнатѣ, звенѣлъ у меня въ ушахъ, носился за мной, когда я уходилъ отъ окна, преслѣдовалъ меня, не умолкая. Вѣтеръ шелестѣлъ деревьями въ саду, пѣтухъ кричалъ на другомъ концѣ деревни, хлопали двери въ домѣ, а звукъ все не умолкалъ, все носился за мной. Такъ мучительно преслѣдуютъ, такъ носятся за мною эти слова: „намъ не нужно вашихъ признаній. Вы видите, мы знаемъ много. Намъ извѣстно даже, что на послѣднемъ собраніи вы проповѣдовали совсѣмъ іезуитскія теоріи. А вѣдь вы называете себя нравственными людьми.... Мнѣ просто интересно знать, зачѣмъ вы губите самихъ себя. Я не хотѣлъ вѣрить этому. Я вижу, вы слишкомъ благородны, чтобъ сказать, что для хорошей цѣли все хорошо. Но вотъ, ваши товарищи разсказываютъ.... вы крикнули имъ: если вы не возьметесь за дѣло, я донесу на васъ....“ Развѣ я сомнѣвался теперь, что онъ все знаетъ? Но какую низкую, какую подлую ложь взвелъ на меня предатель!... Я вздрогнулъ, я вспыхнулъ отъ стыда. Въ его лицѣ мелькнулъ на мгновенье злобный

и хищный звѣрь, но потомъ его кроткіе глаза такъ грустно взглянули на меня. Кто научилъ его такъ смотрѣть, чтобъ душа человѣческая не боялась его змѣинаго взгляда? Нѣтъ, я не стану вспоминать, а то я не переживу сегодняшней ночи. Если бъ я могъ разбить себѣ голову за мои слова!... Я былъ точно пьяный, точно бѣшеный.... я крикнулъ такъ громко, что они всѣ вздрогнули: „Это ложь! это гадость! Я сказалъ: кто боится жандармовъ, тотъ не смѣетъ прикоснуться къ дѣлу“.... Итакъ, я призналъ собраніе.... Какъ они, должно быть, издѣваются теперь надо мной. Мука, мука!... Да, онъ умѣлъ ударить. Онъ умный, хитрый, онъ зналъ меня. Какъ будто въ слабой человѣческой душѣ есть такое мѣсто, что если ударить его, она вся вздрогнетъ отъ боли до самой своей глубины. И въ тотъ моментъ человѣкъ погибаетъ.... да.... и я тоже такъ погибъ. Я хотѣлъ избавиться отъ этой боли, я хотѣлъ показать ему чистую, быть можетъ, не хорошую, но не очерненную предательской клеветой душу. И я погибъ въ его рукахъ.... Какъ нужно мнѣ оправдаться! Какъ хочется мнѣ оправдаться передъ всѣмъ міромъ!... Нѣтъ, я честно говорю: передъ самимъ собою я не виноватъ... Мнѣ кажется, что онъ хлесталъ меня своими ядовитыми словами. Онъ все начиналъ: „А помните“.... и сожалѣлъ, и удивлялся, и негодовалъ.... Онъ много, много сдѣлалъ за два мѣсяца. Я знаю теперь: онъ разворачивалъ мои письма, онъ рылся въ моихъ тетрадяхъ, онъ жадно перелистывалъ книги, чтобы отыскать въ нихъ мою душу, и перечитывалъ замѣтки на поляхъ, съ подлой, презрительной усмѣшкой пробѣгалъ мои стихи, разсматривалъ мои портреты, портреты дорогихъ, хорошихъ людей, и узналъ меня. Узналъ, какъ я думаю, чего я хочу. Узналъ и самъ построилъ изъ этихъ обрывковъ мои же взгляды и нарочно облилъ ихъ грязью.... И рядомъ съ тѣмъ другимъ преступленьемъ я совершилъ еще одно: я повѣрилъ, что выдалъ товарищъ. И еще одно: я позволилъ ему дотронуться до моей руки и не ударилъ его въ лицо. И еще и еще.... Лиза! Лиза! Я преступникъ, я страшный преступникъ, но я не предатель. Я позволилъ ему клеветать и старался только спасти свою душу. Нѣтъ же, не свободу, Лиза! Пойми, что не свободу, а только свою честную душу.... Я возражалъ. Онъ вспоминалъ новые факты. Я снова отбивалъ удары. Я все забылъ, я спорилъ, я боролся за свою честь.... Довольно, довольно! Будетъ! Я разсказалъ все, какъ самый низкій предатель. Развѣ не все равно, что я ошибся, что я бился въ его рукахъ, какъ звѣрекъ! Одно осталось: я былъ честнымъ, пока онъ не коснулся моей души. И я не положилъ своей души „за други своя“, а продалъ ихъ за свою душу.... Если я разорву подушку зубами, мнѣ станетъ легче.... Охъ, какъ хочется уснуть. Я не могу больше выносить этой муки. У меня болитъ голова. Если бы заснуть! Если бы отдохнуть на мигъ! Вѣдь мнѣ больно отъ каждой мысли. Я

такъ несчастенъ. Я весь боленъ, весь разбитъ. Мнѣ кажется, что тѣло мое горитъ, а голова все растетъ. Вся она стала, какъ деревянная. Ощущеніе такое, какъ будто остался пустой черепъ, и объ него бьются мысли. И если бы на минутку остановить ихъ! На секундочку! — Свѣтъ меня раздражаетъ; спрячу голову подъ подушку.... Боже мой! Какой страшный грохотъ! Что это было? Что это оглушило меня? Ахъ, это сѣно шуршитъ въ подушкѣ. Нѣтъ, не заснуть мнѣ. О, мука, о проклятый мозгъ! Если бы можно высунуть голову въ окно... Я задыхаюсь. Я буду кричать! Я не могу.... Голубчикъ! Выпустите меня на секундочку. Я погуляю и вернусь.... Убирайся къ черту, мерзавецъ! Какое мнѣ дѣло, что не приказано!...

Онъ куда-то побѣжалъ?... Ахъ, не все ли равно. Вотъ, вотъ... Еще секундочку тишины, еще, еще. Я засну сейчасъ. Какъ бы не спугнуть. Сонъ подкрадывается ко мнѣ такъ близко, на цыпочкахъ. Онъ удержалъ дыханье.... Я удержу дыханье.... Еще еще.... Какая темная глубина....

.... Какія легкія.... нѣтъ, не легкія.... какъ это называется? какія мягкія руки! Если бы только немножечко сдвинуть ихъ, онѣ мнѣ давятъ голову.... Немножечко.... Кто здѣсь? Кто разбудилъ меня? Кто говоритъ: немножечко? Какъ долго я спалъ! Или я не спалъ? День это или ночь? Я встану, хотя голова такъ кружится. Рубашка на мнѣ виситъ клочьями. Надо закрыться одѣяломъ, а то докторъ смотритъ на меня.... Опять этотъ желтый свѣтъ! Значитъ, еще ночь! Боже ты мой! Да когда же конецъ моей мукѣ!... Докторъ, я умоляю васъ! Дайте мнѣ чего-нибудь усыпительнаго.

— Вы не спите уже вторую ночь? И днемъ не спали?

— Я не могу спать.

— И такъ все ходите, ходите по камерѣ?

Мнѣ стыдно. Что я ему скажу?

— Что же васъ такъ тревожитъ? Можетъ быть, вамъ снятся страшные сны? Слышатся какіе-нибудь звуки? Успокойтесь, пожалуйста. Въ вашемъ положеніи люди часто страдаютъ галлюцинаціями. Мужайтесь! Мы дадимъ вамъ лѣкарство.

Какой у него ласковый голосъ. Если бы онъ говорилъ со мной цѣлую ночь, я бы заснулъ. Но почему ему быть со мной такимъ ласковымъ? Откуда онъ знаетъ о моемъ положеніи? Боже! Какъ низко я палъ! Какъ гадокъ я сталъ отъ позора! Они не прислали мнѣ доктора, когда я былъ боленъ, и вотъ теперь они сжалились. Это же награда, награда за мое предательство. О мука, о казнь!... Пускай онъ убирается со своими лѣкарствами. Какъ я ненавижу его. Я бы охотно билъ его по лицу, плюнулъ бы въ его проклятые притворщицкіе глаза. Охъ, какъ мнѣ тяжко! Не перенесу я этой пытки.... Уходите же! Уходите, прошу васъ, а то я не выдержу....

Ну, что жъ еще долго думать? Ушли они. Надо взять себя въ руки. Надо обдумать, что дѣлать. — Нѣтъ тутъ ни гвоздика, ни зацѣпинки. Если повѣситься на оконной рѣшеткѣ, увидятъ въ окно и снимутъ. Будетъ позоръ, и меня станутъ стеречь. Лампа не вынимается. Разбить голову не смогу.... Корзиночка! Моя дорогая Лизочкина корзиночка! Если положить въ нее все, что есть тяжелаго, привязать къ ней петлю и лечь въ постель и накинуть петлю на шею.... О, надо это точно измѣрить, чтобъ она не коснулась пола. Я отодвину тюфякъ и пропущу ее сквозь перекладину.... Конечно, кончится моя мука сегодня же ночью.

Я могу теперь заснуть на минуту. Я исполнилъ свой долгъ передъ вами, простите меня.... Какъ все болитъ! Грудь, руки, даже ноги. Теперь я полежу, соберусь съ мыслями.... Какое безуміе я придумалъ! Быть можетъ нужно, чтобъ корзина вѣсила очень много. Можетъ быть столько же, сколько тѣло. Я ничего не знаю, я невѣжда.... И если все это рухнетъ? Если опять только срамъ и позоръ? Охъ, какъ мнѣ нуженъ совѣтъ. Хоть бы кто-нибудь былъ около меня. Я погибъ, я не умѣю этого сдѣлать. Это дико, это по-дѣтски. Постучать сосѣду? Его хотѣли вчера перевести.... Можетъ быть онъ узналъ о моемъ предательствѣ и не захотѣлъ сидѣть рядомъ? Конца нѣтъ казни. Я не замѣтилъ вечеромъ, слышны ли его шаги. Алексѣй! Алексѣй!

Молчаніе.

Алексѣй! Отвѣчай!—Разъ, два, три.... Я не разбираю: то слишкомъ много, то слишкомъ мало. Еще!

Какъ отчетливо теперь слышны звуки.... Мука моя, казнь моя! Оно.... это слово.

Алексѣй! Я не продатель. Слушай меня. О, пойми, что я не такъ виновенъ! Ты слушаешь? Отвѣчай! Отвѣчай же.

Молчаніе.

Алексѣй!

Молчаніе.

Нѣтъ, я не въ силахъ переносить. Нѣтъ, я задушу себя своими руками. Я вырву себѣ глаза. Довольно, довольно. Черепъ мой раскрывается отъ ужаса.... Уйди! Уйди!...

Утро.... Свѣтаетъ.... Еще день пытки....

Мнѣ кажется, что я спалъ.... Отворяютъ мою дверь. Помощникъ смотрителя и книги!... Милыя книги!

— Вы писали, чтобъ вамъ выдали книги? Вотъ разрѣшенье.

— Мнѣ одному это разрѣшено?

— Я собственно не имѣю права сказать, но васъ этотъ вопросъ такъ волнуетъ.... Нѣтъ, не только вамъ.

— Но и не всѣмъ?

— Нѣтъ, не всѣмъ.

Ясно: мнѣ и другимъ предателямъ.... Соберу всѣ свои силы, чтобы выпить чашу до конца. О, какъ они щедро и быстро меня

награждаютъ! И ждутъ еще, ждутъ отвѣта!... Вотъ онъ судъ надо мною... Мать моя! Какое счастье, что ты умерла! Я помню, какъ въ дѣтствѣ мы съ Лизой привязались къ такой маленькой хорошенькой собачкѣ. И вотъ разъ утромъ мы прятались съ ней за кустами въ саду.... да, я точно вижу въ темной зелени свѣжія полураскрывшіяся, яркія розы съ круглыми каплями холодной росы на бархатныхъ лепесткахъ. Помню, какъ въ какомъ-то счастливомъ восторгѣ я прижался лицомъ къ большой темно-красной розѣ, и она нѣжно и ласково коснулась моей щеки.... Да.... нѣтъ, не то.... Тамъ, за розовымъ кустомъ, на дорожкѣ я нашелъ нашу собачку. Она жалобно визжала и вздрагивала. Ея шерсть и желтый песокъ дорожки и зелень придорожной травки были залиты кровью. Какой ужасъ охватилъ меня! Она умерла на моихъ глазахъ. Я запрятался въ уголъ бесѣдки и рыдалъ и бился. Отецъ и мать нашли меня. Отецъ сурово повернулъ меня за плечо. И теперь такъ жестко звучатъ въ ушахъ его слова: „Убилъ, а потомъ и плачешь.“ Мать вся поблѣднѣла и испуганно наклонила ко мнѣ лицо и такъ любовно прижала потомъ, когда я шепнулъ сквозь слезы: „не я“... И теперь.... Пытка, пытка.... Попробую думать о чемъ-нибудь. Ходить по камерѣ, что-ли. Сколько верстъ я такъ сдѣлаю?... Принесли чай. Буду пить, я давно ничего не ѣлъ. Да.... два дня. Нужно поддержать себя до ночи.... Какое ослѣпительное солнце! Какъ хорошо и ясно сегодня на дворѣ. Снѣгъ такъ и сверкаетъ, и небо черезъ черныя рѣшетки такое ярко-голубое. Какъ хорошо жить! Какъ я люблю солнце! У Гейне солнце говоритъ: Что тебѣ до моихъ взглядовъ! Я блистаю, потому что не могу не блистать. И поэтъ отвѣчаетъ ему: Мнѣ все равно! пусть такъ, но отъ твоихъ взглядовъ безсмертная красота просыпается у меня въ груди.... Какъ я люблю солнце! Какъ я люблю жизнь, люблю красоту.... Но какъ мнѣ страшно и какъ гадка мнѣ моя грязь! Я усталъ отъ этой муки. Мнѣ страшно, какой мракъ у меня въ душѣ. Ночные кошмары терзаютъ меня. Уйти отъ нихъ....

Я хочу ѣсть. Чай такой горячій, такой вкусный.... Что это скребется, точно мышь? Какой это размѣренный звукъ долетаетъ ко мнѣ изъ дневного шума? Разъ, два, три.... Сѣдъ!... Я слушаю! стучи.... Еще разъ.... Еслибъ у меня не было ушей, еслибъ не было мыслей! Если бъ я могъ разбить свою голову объ эту стѣну.... Онъ казнитъ меня ночью и днемъ, онъ не даетъ мнѣ мгновенья покоя, онъ забылъ всѣ слова, кромѣ этого.... О!... Алексѣй!.. послушай меня. Сегодня ночью я умру. Я предалъ васъ, но не по своей волѣ. Если бъ я былъ предателемъ, я не отдалъ бы жизни своей, я не чувствовалъ бы этой муки ежечасно, ежедневно. Алексѣй! Я разскажу тебѣ все. Отвѣчай! Отвѣчай, или я сейчасъ разобью себѣ голову. Этимъ словомъ ты будишь меня ночью, ты преслѣдуешь меня днемъ. Сжалься надо мной!...

Не надо! замолчи! замолчи!... Нѣтъ для меня прощенья! Вся комната наполнена этимъ словомъ. Ну, пусть я предатель. Но я умру, я разрѣжу себѣ горло. Дайте же мнѣ кончить и клеймите, бичуйте меня тогда; пока я живъ, оставьте мнѣ хоть мигъ отдыха, хоть на мигъ дайте забыться.... Осколокъ слишкомъ тупъ, кожа не поддается. Сонная артерія бьется здѣсь гдѣ-то подъ пальцами. Сильнѣе!... Какъ больно! Какъ страшно! Какая черная кровь брызнула фонтаномъ. Я умру сейчасъ. Какъ страшно!... Она остановилась!... Что случилось?... Польется она снова, или такъ нужно?... Не идетъ.... нѣтъ, не идетъ. Я не могу ничего придумать. Я погибну отъ муки, сойду со ума....

Позовите мнѣ доктора. Пусть онъ дастъ мнѣ что-нибудь. Я хочу заснуть.... Докторъ! если хотите лѣчить меня, прикажите перевести моего сосѣда. Онъ мучитъ меня, преслѣдуетъ....

— Успокойтесь же! Здѣсь со вчерашняго дня никого нѣтъ. Спросите ихъ. Это галлюцинаціи. Почему у васъ кровь на рубашкѣ?

— Это изъ носа. Оставьте. Это вздоръ. О, какъ вы жестоко глумитесь надо мной. Какъ нѣтъ у васъ ни капли жалости. Ни капли! Мучители! уйдите!

Безуміе! безуміе! Ихъ жалость?... Какъ я одинокъ! Между мною и всѣмъ міромъ стѣна: стѣна лжи, сознательнаго обмана, стачки противъ меня. Я далъ имъ то, что нужно. Отдѣлаться отъ меня ничего не значущими словами, равнодушной насмѣшкой—вотъ все, чего они хотятъ. Я имъ не нуженъ больше....

... Ночь... Темная, холодная, безлунная. Я спокоенъ. Веревка виситъ на оконной задвижкѣ; надзиратель заснулъ... Мнѣ кажется, что я спокоенъ. Мнѣ только холодно, какъ будто внутренно холодно. И даже не холодно, а какъ-то пусто во мнѣ. Мысли мои исчезли, и образы, страшные и милые, не преслѣдуютъ меня больше.... Позади осталась большая,шумная и счастливая жизнь, далекая и чуждая, какъ прекрасный давнишній сонъ. Потомъ эти долгіе дни нечеловѣческой муки. Они тоже прошли и потускнѣли. Все суета суетъ. Смерть идетъ ко мнѣ торжественно и спокойно. Она дастъ мнѣ забвенье и прощенье. Все для нея: неподвижный мракъ ночи, тишина во всѣхъ концахъ этого огромнаго каменнаго мѣшка, тишина во мнѣ, во всемъ мірѣ. Холодно. Мнѣ кажется, въ темномъ окнѣ я вижу холодную, вѣчную ночь, куда я ухожу. Холодно. Но нѣтъ, нѣтъ—не страшно. Мнѣ кажется, что я стою въ твоемъ пустынномъ и безмолвномъ храмѣ, затерянный въ его огромныхъ сводахъ, и жду тебя. Ты придешь, молчаливая, величественная, гордая и прекрасная. Ты все покрываешь своимъ тяжелымъ и холоднымъ мракомъ: страданія, нечеловѣческія муки, и страсти, и свѣтлыя, радостныя молодыя мечты. Ты возьмешь сегодня и мою молодость... Молодость.... да.... и надежды.... Пусть же все снова исчезнетъ. Пусть уйдутъ мои мы-

сли въ ту холодную пустоту. Я не хочу думать о молодости! Я не хочу, чтобы снова тревожили меня мои прошлые дни, дни счастья, чтобы снова воскресла предо мной моя честная, моя славная жизнь.... Какъ она кипѣла! Какъ много силъ рвалось наружу! И какъ я могъ быть счастливъ. Міръ раскрывался предо мной, невѣдомый и прекрасный. Тамъ впереди, въ заманчивомъ и свѣтломъ будущемъ,я долженъ былъ бороться, бороться гордо и смѣло, такъ чтобъ грудь чувствовала удары, и съ каждымъ ударомъ я шелъ бы впередъ и впередъ. И какъ въ сказкѣ, звучалъ бы предо мной впереди дивный колоколъ, и какъ сказочный принцъ пробивался бы я черезъ чащу лѣсную. Киваютъ лѣсныя деревья, покрытыя мхомъ; бѣжитъ по камнямъ прозрачный ручей. И солнце, какъ свѣтильникъ великаго храма, бросаетъ прощальные золотые лучи на зелень, на темный мохъ, на могучіе дубы, на пышныя липы. Ночь идетъ. А колоколъ звучитъ впереди въ лѣсной тишинѣ. И я иду, иду по невѣдомымъ, едва протоптаннымъ тропинкамъ, иду туда, куда онъ такъ таинственно зоветъ меня своимъ призывнымъ звукомъ.... Сонъ или сказка? Нѣтъ, это жизнь, эта моя прекрасная погибшая жизнь. Да, я умру, и холодная смерть унесетъ меня въ свою безрадостную пустыню, и не будетъ звучать никогда мой колоколъ, и не буду я, какъ молодой принцъ, итти, и вѣчно итти, и вѣчно отдавать свои силы могучей и радостной борьбѣ.... Они сгубили меня. Они убили во мнѣ мою душу. Я ухожу. Веревка виситъ на окнѣ. Я ухожу въ холодную вѣчность, ухожу отъ борьбы, отъ невѣдомой еще и манящей меня жизни, и уходя я посылаю вамъ проклятья. Я проклинаю всѣхъ васъ, угнетающихъ и ненавистныхъ, я проклинаю за себя, за свою погибшую молодость, за всѣ погибшія и прекрасныя жизни. Вы мракъ и пустыня. Вы смерть. Пусть все, что смерть, будетъ вамъ. Пусть мои страданья, мои муки будутъ преслѣдовать васъ во вѣки вѣковъ. Пусть мститель суровый встанетъ изъ нашихъ погибшихъ костей, и пусть жизнь, свѣтлая, радостная, любимая жизнь побѣдно пройдетъ надъ міромъ!....